891.79
L9734
Op

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

ELIAS CZAYKOWSKY
COLLECTION OF
UKRAINIAN CULTURE

891.79
L9734
Op

Типо-Литографія Торговаго Дома Е. Консвалова и Ко. Москва.

ПИДЪ ЯВОРОМЪ

ТРИ МОГИЛЫ.

Повѣсть **КУКЕЛЯ.**

Изданіе Торговаго Дома
Е. КОНОВАЛОВА и К°.

МОСКВА.
Типографія П. В. Бѣльцова, Чистопрудн. проѣздъ д. № 14,
1913 г.

891.79
L9734
Ор

I.

Проспивавъ вже пивинь. У виконнихъ села по прозвищу Мирошники, нигдѣ не було видко багатья, тилько у хатыни на край села блистало отъ каганця. У тій хатыни жила молода ще вдова Маруся. Съ года два пройшло, якъ вона поховала свого чоловика, съ которымъ жила всего три годы, такъ не добре, що не дай Боже никому! Маруся була баба моторна и роботяща, а чоловикъ еи Стопанъ дуже пилъ горилку, пропиваючи не тилько те що самъ зароблявъ, а таскавъ изъ Марусиной скрыни для кесбижья у шинокъ, та ще и дубасивъ, еи, коли вона плакала, або грызался. Такъ отъ горилки Степанъ и вмеръ. Родня его молода довгимъ буде продовати зъ молотка твою одежину, а не буде ханати, то и хату,

— Ой мини лихо! Дай сроку хоть одинъ тыждень, може я раздобуду!

— Ну добре! Я скажу старшини, може винъ змилуется надъ тобою за то, що даромъ просидала пидъ замкомъ, а съ Степановою риднею ты, коли хочешь, позывайся, бо вони на тебе набрехали.

— Не буду я зъ ними тягатися! Загубишь время, а взять ничого!

— Це вже твое дило! Прощай, та дивись, черезъ тыждень, у понедилекъ приниси гроши сама, щобъ мини не топтати чоботивъ своихъ.

— Принесу, дядьку! Де що продамъ и принесу!

Соцкій выйшовъ съ хаты. Маруся отчинила свою скрыню, тай стала голосити, бо тамички мало де чого було. Вона и не бачила коли Степанъ стягнувъ еи нову плахту и пропивъ. Полизла вона на горище, де у неи схована була, нидъ стрихою, полотнина и языкомъ, що Маруся напоила чоловика якимсь зильямъ, видъ котораго у его сгорили вси тельбухи самъ винъ весь почорнивъ. Таки висти дойшли до станового и винъ не веливъ

ховати тило Степана, доки пріихавъ ликарь, та разпатрошивъ ему черево и голову, а Марусю посадивъ пидъ замокъ у волостнимъ правленіи. Просидала сердешна Маруся дви недили и еи выпусили на волю, бо ликарь написавъ, що Степанъ вмеръ отъ горилки. Якъ ховали его вона и не бачили и не знали на чіи гроши. Черезъ тыждень прійшовъ до неи у хатыну соцкій тай каже:

— Дай, пани матко, заразъ чотыри карбованца о волосне!

— За що?— спытала Маруся.

— А за то, що сховали твого чоловика на мирскій щотъ!

— Дежь я визьму заразъ грошей, коли я позычила у сусидивъ борошна на хлибъ.

— Даю тоби сроку три дни. Коли не принесешь тихъ грошей, то старшина тіи не знайшлося. Волосья у Маруси стали дыбомъ!

Вже стало темно, а Маруся сидить по ночи, та голосе. Почулось ей, що хтось стукнувъ и в [illegible] прислухалась. Опьять стукнувъ хтось.

Страшно ей стало, а все-жъ таки вона спытала:

— Хто тамъ?

— Отчини, титко Марусю! — молвилъ голосъ котораго вона низнала.

— Хто ты такій?

— Грицько!

— Що тоби треба?

— Треба тоби словечко мовляти!

— Кажи видтиля!

— Та отчини!

— Не отчиню!

— Я тоби хочу казати де и за що заложивъ Степанъ твою плахту и полотнину!

— Кажи!

— А на пивъ кварты даси;

— У мене не мае ни одного шага!

— Ходимъ у мисти до того чоловика, винъ у тебѣ купуе и плахту и полотнину и додастъ тоби грошима.

— Ну пидожди тамъ, я одягнуся!

— Ты кажи, Марусенько, спершу, чи даси на пивъ кварты.

— Конешно дамъ, коли буде чого!

Маруся выйшла, зачинила хату и пи-

шла слидомъ за Грицкомъ, который ей казавъ:

— Ты мовчи, я буду размовляти зъ Мирономъ.

— Такъ у его заложено? — спытала Маруся.

— Эге,—казавъ Грицько.

— Що це не у шинкаря?

— Винъ не бере бильше нидъ закладъ ни якого сбижья, бо на его пасварывся становый. Мабуть до его дойшовъ слухъ, що винъ обидравъ все село!

Прійшли до Мирона у хату, а винъ сидитъ на покутьи и вечеря съ жинкою своею!

— Добрый вечиръ!—мовлявъ Грицько.

— Чого вамъ треба?—спытавъ Миронъ.

— Прійшли выкупляти плахту и полотнину, що заложивъ покойный Степанъ! — мовлялъ Грицько, заложивши свою чуприну за вухо.

— Ты, тядьку Мироне, не бреши! Хиба тоби припала охота позыватися? Про мини було те дило!

— На що позыватися? Отдай мини гроши, а я отдамъ вамъ плахту и по-

лотнину. А коли Маруся хоче, то я у неи куплю и дадамъ грошима, що стоитъ те сбижья.

— А скилко ты додаси?

— Не хай сама Маруся балакае зо мною, а ты Грицьку, не чипляйся!

— Будемъ зо мною торговатися, Мироне!

— Тикъ я и не хочу куповати, коли хозяйка своему доброму мовчитъ.

— Ну, кажи, Мироне, що даси? обизвалася Маруся.

— Не дило! Дамъ я тоби, пани матко, чотыри карбованця!

— Змилуйся надъ сиротою, дай пьять и двѣ копы. Мини треба нисти у волосне, а то и хатыну предадутъ, казавъ соцкій.

— Ну, насиротску долю накину дви копы!

— Прибавь хоть ще пивъ карбованца.

— Отдавай, Мироне, гроши! — сказала его жинка.

Миронъ выйшовъ съ хаты и принесъ гроши. Грицько протягнувъ свою руку за грошима, а Миронъ оттолкнувъ ея и отдавъ Маруси. Вона поклонилося и вый-

шла, а за нею Грицько. Дорогою Маруся отдала Грицькови дви копы, якъ винъ у нея прохавъ на пивъ-кварты.

— Дай ще хоть сороковку! — мовлялъ Грицько.

Маруся отдала и пишла къ дому, а Грицько побигъ у шинокъ. По дорози Маруся куповала у жида сала на каганецъ и засвитила у себе свитло, пожувала сухарь зъ водою, который знайшла на полици въ своій хати и лягля спати, помолившись Богу.

Вранци вона понесла гроши волостному старшини, который сдивувався, де Маруся взяла грошей, пытаючи:

— Видкиля Богъ пославъ тоби, пани матко, ти гроши, а я вже думавъ прохати на миру щобъ съ тебе зложили ихъ, якъ съ бидной бабы.

— Де що послидне продала! — казала Маруся, утираючи слезы.

— Пидожди плакать, може ще гроши вернуться до тебе!

— Спасыби на добромъ слови! — мовляля Маруся, выйшла съ хаты сторшины и пишла швиденько до дому.

Вона все була биля самыхъ дверей своей хатыни, якъ почуяла, що еи хтось кличе. Оглянувшись назадъ, побачила сусидку котра мовляла:

— Ходы лышинь сюды, Марусю!

Маруся пидійшла до сусидскихъ воритъ.

— Здорово було, Оксано! На що ты мене кликала?—спытала вона.

— Зосталося ты, бидна головенько, якъ былинка у поли! Може тоби ще треба, то возьми у насъ. Коли буде у тебе, отдаси.

— Спасыби! Богато де-чого треба, бо у мене ничого не мае! Добре ще, добула вчора гроши, заплатили у волостне за то, що сховали мого чоловика!

— Иди до мене въ хату, хоть поснидай трохи, та я дамъ тоби де чого.

Маруся пишла за Оксаною и вмисти снидаючи вони наплакалися въ волю.

— Що думаешь таперички робити, Марусю?—спытала Оксана.

— До жнитва буду шити, а тамъ наймусь до кого нибудь у работници.

— На жнитво нанимайся до насъ, коли хочещь за гроши, а то за хлибъ и теперички бери, скилько тоби треба.

— Спасыби тоби, Оксано.

Посидили ще трохи тай разійшлися.

II.

Нашлись ще добри люди и помогли Маруси. Такъ дожила вона до жнитва и у косовицю де ще зробила. Да схода сонця и пизнои ночи була вона у поли, на диво своей сусудци Оксани.

Заробила соби Маруся такъ, що до Риздва не бидкалася. Праздниками дивчати и парубки стали еи прохати, щобъ у неи въ хати справляти вечерницы. Маруся подумала, побалакала съ Оксаною и пустила до себе дивчатъ и парубкивъ, котри принесли ей: хто полумисокъ, хто ложки, хто свитла, хто оберемокъ очерету для топлива, хто борошца, хто сала, хто яецъ, хто курку, хто гуську. Натаскали парубки и дивчата стилько, що и

ховаты нигде було у Маруси всю ту страву.

На другой день Риздва, съ позаранку Маруся працювалася биля печи, а якъ смерклося стали сбиратися гости. Парубки принесли дви сопилки и балабайку. Скоро набралося народу десятка со два. Спершу парубки зробили складчину и купили пива, меду и горилки, а якъ выпили трохи, заспивали писни, а якъ выпили по другому разу, заиграли и затанцовали. Грицько, той самый, що приходивъ до Маруси, гравъ у сопилку. Его за тимъ и позвали на вечерницы, що вмивъ гарно грати у сопилки и спивати писни.

— Заспивай, Грицьку, писню!—казавъ одинъ парубокъ, коли перестали танцювати.

— Ты гарну писню заспивай!—казали зразу три дивчины.

Барвинокъ зелененькій.
Росте одинъ у поли,
А хлопецъ молоденькій
Знывае у неволи!

Нихто его не любитъ,
Винъ плаче до пивъ-ночи;
Нихто не приголубитъ,
Не взгляне ему въ очи!

— Ты, Грыцько, повеселище заспивай, а отъ ціи писни сердце заные! — казала черноброва дивчина Гапка, котра була тутъ найкраще и вси парубки отъ неи заглядалися.

Грыцько заспивавъ другую писню:

Стану тебе, хлопче, прохати,
Не ходи ты били моей хаты;
Бо дивлюсь я у виконце
Съ утра до захода сонця!
Я пряду, а рвется,
У мене серденько бьется!
Чого мини треба, не знаю,
А чого-сь я дуже бажаю!

— Гарно, гарно, Грицьку! — кричали парубки.

— Замовчи, осуружный! — кааали дивчата, а сами рыготали.

Парубки пидхопили Грицька пидъ руки и пидвели до стола пити горилку; а див-

чата поштували пикомъ хозяйку — Марусю.

— Выпій, Грицьку, та заграй повеселище, а мы потанцюемъ!—казавъ парубокъ Семенъ, племянникъ соцькаго.

— Хто буде грати у балалайку, а я у сопилку, воно буде веселище! — казавъ Грицько, утирая свои усы.

— Коли пидладимъ, то я стану грати!— вызвався одинъ молоденькій хлопецъ.

— Пидладимъ!—мовлявъ Грицько.

Заграли. Семенъ та ще парубокъ стали посередъ хаты, вызываючи дивчатъ. Гапка и Оксана выйшли на середину и стали танцювати гопака. А якъ вони уморилися, то выйшли други дви пары и мижъ ними хозяйка Маруся, бо ей вси прохали. Колись нихто у сели не танцювавъ ораще ее. И на цей разъ Маруся всимъ на диво станцювала. Парубки и дивчата топотали ногами и плескали руками, хвалючи Марусю. Пиднявси у хати такій гомонъ, що ничого не разберешь. Выйшли третьихъ дви пары и танцювали, доки музыка замовкла, уморившись.

— Грай!—кричали парубки.

— Пострывой трохи! — Насъ двое, і васъ богацько! — мовлявъ Грицко.

— Грай! — кричали вси.

— Дайте перевести духъ! — прохавъ Грицько.

— Поштуйте Грицька! у его заразъ стане довчій духъ! — крикнувъ Семенъ.

Опьять схопали Грицько и потягли до стола. Горилки вже стало мало. Семенъ выкинулъ на стилъ дви копы грошей казавъ:

— Хлопцы! Вывертайте свои кошели, та кладите що у кого есть сюды, бо горилки мало, а пива зовсимъ не мае!

— Вси парубки столлися били стола и брязгали, выкидаючи гроши.

— Кому ходити у шинокъ? — пытавъ Семенъ.

— Давайте канатися! — крикнулъ хтось.

Поканались. Досталося ходити Семену и винъ швиденько пишовъ и принисъ пивъ видра горилки и пивъ видра пива. Опьять стали спивати и танцювати. Вси пили, а пьяныхъ никого не було, а тилько весели. Вечерницп ончились писля

третьего пивня и вси розійшлися подякуввши Марусю.

— Колижъ опьять сбиратися?—спытали у Маруси.

— Коли задумается! — отмовляла Маруся.

— Пидъ Новый годъ!—казавъ Семенъ.

— Добре, добре!—закричали парубки.

Маруся все прибрала, погасила коганецъ и лягла спати.

Матери и батьки гримали на своихъ дочокъ, що довго пробули на вечерницяхъ; а Гапкина мати, гримаючись казала:

— Другій разъ не пустю тебе!

— Якъ вси, такъ и я прійшла до дому! - мовляла Гапка.

— Не хай вси тамички сидили-бъ, а тоби треба було ходити до дому, бо знаешь, що у тебе батько несдужа!

Гапка мовчала и, не запалюючи каганци, раздяглася и лягла спати. Довго вона не спала, думаючи свою думку. Кохала вона дуже Семена, а винъ на неи и не дивыся, бо вона була биднища, чимъ други дивчата! Досадно ей було на Семена и вона трохи сплакнула, а все-жъ таки

сердце еи ныло. Стало вже свитати, коли вона заснула и во сни бачила одного Семена, котрый отвертався отъ неи, сміючись ей прямо въ очи!

Той сонъ Гапка не забула вставши коли вже зовсимъ розсвило. Мати не балакала зъ нею и все сварилась на неи та то, що вона вчора опизналася.

— Годи тоби сваритися! Мини не полегшало бы, коли-бъ Гапка вернулася спозаранку!—мовлявъ батько, лежа на печи.

— Колибъ ты не прислухувався, а спавъ соби, то може було-бъ и легче!—огрызалася жинка.

— Я спавъ и не чувъ, коли Гапка стукалася у викно!—заступався батько за дочку бо бильше любили еи, чимъ мати.— Дило молоде, хочется пострыбати, а теперечки ще празники! Хиба ты забула, якъ була молода.

— Годи!—казавъ батько.

Гапка мовчала и плакала. Нудно ей було отъ матириною мовы, и еще нуднише отъ того сна, который бачила у ночи.

III.

Грицько вже бувъ пьяненькій, якъ выйшовъ зъ вечерницъ. Спершу винъ ишовъ вмисти съ парубками и дивчатами, а потимъ застався одинъ позаду ихъ. Идуча винъ плакавъ, розмовляючи самъ съ собою. Теперички гирше ему было и дужче ныло его сердце.

Нещастный человикъ бувъ Грицько съ измалости. Зостався винъ сиротою, коли ему було три года. Батько умеръ скоро, якъ винъ народився, а мати черезъ три года. Ридни у Грицько коли не було бильше, а взяли его чужіе люди до себе за гроши, котри зосталися, якъ продали хату Грицьковаго батька. Самъ Грицько не знавъ що зъ нимъ було до шести го-

дивъ, а казали ему люди, що дуже було ему гирко. Писля же знавъ винъ що зъ нимъ було.

У того мужика, що взявъ Грицька до себѣ, було шестеро дитей. Старшій дивчини двѣнадцать годивъ, а самому наименьшому не було ще и году. Его няньчивъ бидный Грицько. Вси дитынята не любили Грицька и штовхали его, бо бачили, якъ ихъ батько та мати не навиствовали надъ бидною дитиною и небуло дня, щобъ его не били, то батагомъ, то вижжами. Годували вони Грицька гирше чимъ поросятъ своихъ. Голодный, винъ крадучись изъ зъ корыта, съ свиньями, та съ тельтами. Коли минуло Грицькова висимъ годивъ, его посылали вже пасти коровъ, телятъ и свиней и, борони Боже, коли винъ пригонявъ съ поля худобу, не въ тій часъ якъ було треба, або просыпавъ вранци коли треба було выгоняти еи у поли, до схода сонця. Зимою Грицька заставляли робити на двори и у хати всяку работу; и за худобою ходити, и выносити всяке смитья зъ хаты, и воду носити

видромъ зъ колодязя, а у вечери прясти пряжу.

Ему минуло двѣнадцать литъ и сталъ винъ иже чабанъ на все село. Случилось, що собаки у поли одного барана съили: Пригнавъ Грицько у той день худобу у село познище, повечерявъ и якъ вси полягли спать, выйшовъ зъ хаты и помандрувавъ куды дивились очи. Ишовъ винъ до самого схода солнца, поки не наткнувся на якусь деревню, выпросивъ Христа ради, шматокъ хлиба, передыхнувъ трохи биля одной хаты и побигъ дали. Уморився сердешный, сивъ биля стога, тай заснувъ. Проспавъ винъ до пиздняго обида, потомъ схопився и зразу не мусивъ, куды ему ходити, а якъ одумався, то пошовъ далѣ. До самого вечера ишовъ по дорози, котру скоро зайшовъ. Вже смерклося, коли винъ прійшовъ у велико село, постукавъ у виконце крайней хаты и прохавъ милостину. Якась старенька баба отчинила викно пытае:

— Хто же це у ночи ходитъ прохати соби милостину?

— Я иду, бабуся издалека!—мовлявъ Грицько.

— Такій маленькій и идешь одинъ?

— Одинъ, бабусю.

— Куда же ты ипдешь?

— Самъ не знаю!

— А видкиля ты?

— Не пытай мене, бабусю! Брехати я не хочу, и правду казати не можно.

— Дижь ты будешь ночувати?

— У поли.

— Ходи, лишинь, у хату до насъ. Переночуешь, та вранци и пидешь соби съ Богомъ.

— Спасыби, бабусю!—мовлялъ Грицько, идучи у хату, де сидили за вечерею дви дивчины.

— Сядай, хлопче, вечеряти!—мовляла абуся, давши ему ложку.

Повечерявъ Грицько кулешу, перехрестывся и поконився бабуси у ноги. Поки старша дочка сбирала со стола, вона сила поблизче до Грицька, довго дивилась на него, тай каже:

— Ты, хлопче, мабутъ сирота!

— Эге!—молвивъ Грицько.

— Якъ же ты не знаешь, куды идешь?

— Куды небудь подали, щобъ мене не знайшли.

— Ты боишься кого-небудь?

— Тихъ людей у кого я живъ!

— А давно вже идешь?

— Ничь и день!

— Заставайся у насъ.

— Ни бабусю, тутъ мене знайдутъ и буде мини лишенько.

— А ты що нибудь нашкотивъ?

Грицько разсказавъ все, що знавъ и признався, що винъ иде зъ села Очеретники. Бабуся помотала головою, задумалась, той казала:

— Отъ насъ до Очеретниковъ буде верстъ съ тридцать. Коли не хочешь тутъ оставатися, ходи до мого зятя. Видциля буде верстъ двадцать ще. Кажи ему що я тебе прислала до его, роскажи ему все то, що мини казавъ, винъ може тебе куды небудь дивае, де тебѣ не знайдутъ твои вороги.

— А якъ тебѣ бабусю, назвати и якъ знайти у той деревни твоего зятя?

— Спроси тамъ Вакулу. Его вся де-

ревня добре знае. А пре мене скажи, мовъ свекруха Мавра.

— Добре, бабусю!

— А теперички постели себѣ на доливци те рядно и лягай спати, бо ты сердешна дитина, уморилася!

— Тилько ноги болятъ!

— Лягай та спи соби. А завтра поснидаешь, тай пидешь.

— Грицько, проспавъ до схода солнця и колибъ Мавра не разбудила его, то проспавъ бы увесь день. Швиденько вставъ винъ, умывся, понвъ трохи и пишовъ, дякуючи, по тій дороез, яку ему показала бабуся. На души у его было веселище, бо винъ сподивався вернутися до Мавры, коли Вакула ни возьме его до себе.

Писля полудня прійшовъ винъ у село Павлово и заразъ знайшовъ Вакулу, который бувъ на сей разъ дома. Разсказавъ ему Грицько, що велила Мавра. Вакула подумавъ, тай каже:

— У мене есть не великій хуторъ и тамъ пасика. Тамъ стереже старенькій москаль, то винъ вже подслиповатый.

Коли хочешь хлопче, то ходимъ до его тамички и зостанешься и будешь доглядати вмисти зъ нимъ.

— Спасыби, дядьку! Я пиду, хоть заразъ!

— Популуднуешь, бо мабуть исты хочешь, тоди и пидемъ. Тутъ не далечко, версты зо три.

— Добре, дядьку.

Грицько мерщи поивъ и вони пишли до хутора, а дорогою винъ де-що разсказавъ Вакули.

Старый москаль, котораго звали Васильемъ, сидивъ биля невеличкой хатины, а сукавъ якусь вировку.

— Здоровъ бувъ, Василю! — молвилъ Вакула, пидойдя до Василя.

— Здравія желаемъ, хозяину Вакули Семеновичу!—казавъ Василь, схопыпшись и ставши, якъ те роблятъ москали.

— Прививъ тоби помошника. У двохъ намъ буде веселише; а у тебе будутъ теперички не дви, а четыре ока!—мовлялъ Вакула.

— Ну що-жъ. добре. Хлопецъ винъ, якъ я бачу, буде моторный! казавъ мо-

скаль и погладывъ Грицька по голови.— Маленькій ще винъ, та мы у двоихъ справимся. Его очи та ноги, а мій розумъ·

Вакула пишовъ у деревню, до дому, а Грицько зоставя зъ москалемъ.

IV.

— Ходимъ я спершу покажу тоби мое хозяйство! — казатъ москаль. А може хочешь исти?

— Ни, дядьку! Я полудновавъ у Вакулы Семеновича.

— А видкиля ты самъ хлопче?

— Издалека, дядьку! Я сирота!

— Съ другой губерніи?

— Ни! Верстъ за пятьдесятъ за пьятьдесятъ, якъ те село называется я забувъ.

— Такъ никого родни у тебе не мае?

— Никого!

— Не давно поумирали?

Давно вже!

Дежъ ты доси живъ?

— У людяхъ!

— Що-жъ ты тамъ робивъ?

— Худобу пасъ!

— Грицко де що разсказавъ москалю. Покачавъ Василь головою, тай казавъ:

— Такъ ты помандрувавъ?

— И добре зробивъ, тутъ тоби буде.

— Походили вони по хутору, москаль все розсказавъ Грицкови и потимъ пишли у хату. Москаль зворивъ кулишь и сили вечеряти. Москаль бувъ слов охотливый и ставъ разсказывати Грицькови про свою службу.

— И на войни ты бувъ, дядечьку? — спытавъ Грицько Василя.

— Бувъ у Севастополя!

— Що се тако Севастополь?

— Городъ и крѣпость биля Чернаго моря. Хиба ты не знаешь.

— Дежь мини знати, коли я никуды не ходивъ съ свово села и нихто зо мною не балакавъ такъ якъ, ты.

— Ну у мене знайется богато роскаєати тоби де чого.

— А я люблю слухати! Розсказуй дядьку.

— Була война съ туркою, а занихъ

заступился Хранцузы, та Агличъ, война була больше на мори.

— Вони такижь люди якъ и мы!

— Конешно, тилко одягнуты у инчу одежину, якъ наши москали, та балапинчимъ языкомъ.

— Якъ же це воювали на мори, коли тамъ глыбоко?

— На корабляхъ.

— А що це такое корабль?

— Лодку ты бачивъ?

— Бачивъ.

— Такъ корабль буде у сто разъ бильше.

— То-то диковина!

— Спершу винъ покажется диковиною, а писля, якъ привыкнешь, то байдуже.

— Такъ съ корабливъ и стриляли?

— Стриляли зъ пушокъ, которыхъ на кажнимъ корабли съ пивсотни, а то и бильше.

— А ты, дядьку, бувъ тамъ на корабли?

— Двадцать висимъ годивъ прослуживъ на одномъ и томъ же корабли, который назывався Нахимовъ.

— И по земли не ходивъ?

— Ни, ходивъ, коли стояли безъ дила, а бильше живъ на самимъ корабли.

— Добре тамъ було жити?

— Такъ добре, що николи не розстався бы съ такимъ житьемъ!

— Тамъ скушно и людей не мае!

— А товарищи матросы! То таки люди, що дай Боже буловъ такихъ бильше на свити! Все мижъ нами було дружно, мы любили одинъ другого, а якъ любили своего начальника капитана Васельчука, та всохъ охвицеровъ, то и вымолвить не можно? Всю душу свою готовы були положить за нихъ. Богацько перебило ихъ сердешныхъ пидъ Севастополемъ!

— На смирть?

— Конешно на смирть, а инчихъ поранили.

— Какъ же тебѣ, дядьку, не убили?

— Богъ милувалъ и не поранили.

— А убивали кулями?

— Кули тамъ бильше головы чоловичои.

— Ой лихо? Такъ та куля такъ зразу и убивае!

— Тилько шматки политять.

— А корабли не разбиваютъ кулями?

— Розбиваютъ.

— Такъ винъ и потопни у мори?

— Потопне!

— Зовсимъ съ людьми?

— Съ людьми!

— А выплысти на берегъ не можно?

— Коли близко биля берега, то инчи выплываютъ, а коли далеко, то такъ и тонутъ.

И довго такъ вы воюли, дядько?

— Довго, моя дытыно!

— А корабль вашъ розбило?

— Побило дуже, а все-жъ винъ не потонувъ.

— А у Турки та Хранцюза вы багацько перебили народу та корабливъ?

— Богато мы имъ нашкодили!

— А хто-жъ кого завоювавъ?

— Выйшло замиренья.

— А у полонъ брали и живыхъ москаливъ?

— И мы у нихъ и вони у насъ брали!

— Що-жъ ихъ убивали?

— Ни! у Туркивъ, мовляли москали,

котри вернулися, не добре було жити, а у другихъ байдуже.

— А куды-жъ у насъ дивали тихъ, котрихъ брали у полонъ?

— Посылали у дальни города та деревни.

— А далеко витциля той Севастополь?

— Верстъ сотъ шисть.

— Ой, якъ далеко!

— Якій ты, Грицьку, любопытный.

— Коли-жъ я ничого на свити не бачивъ и не чувъ.

— А коли-бъ ты походивъ по свиту бильше, то бувъ бы розумный чоловикъ. Та твои ще годы не велики, де ще побуваешь.

— Я и у москали пишовъ бы!

— Якъ выростишь тоди буде видно. Другимъ разомъ мы зъ тобою побалакаемъ, работа у насъ не велика, а теперечки пора вже спати.

— Полягаймо, дядьку.

Василь принисъ оберемокъ соломы у хату, роскинувъ еи на доливку, прикрывъ своимъ чикминемъ, тай спытавъ:

— У тебе есть яка небудь одежина

— Не мае, дядьку!

— Ну, укрыимся вмисти, моею старою москальскою шинелью, може тоби присниться сонъ, що ты вже москаль.

Полягли вони не запалюючи каганця, бо отъ зари було ще видно.

V.

Вранци Грицко проснулся первый и не будивши Василя, пишовъ на пасику и зробивъ все, якъ ему розсказавывъ дядько Василь. Пришовъ винъ у хату, а Василь проснувся, тай каже:

Засидилися мы вчора, а сегодня проспали!

— Я вже давно вставъ, -- мовлявъ Грицько.

— Що-жъ ты мене не будивъ?

— На що?

— На пасици треба де що робити до сходъ сонця.

— Я все зробивъ, дядьку, якъ ты казавъ вчора.

— Коли такъ зробивъ, то молодецъ! Ходимъ подивимся!

Подивався москаль и похваливъ Грицька. Поробили де що вмисти на пасици и пишли у хату. Москаль затопивъ пичь ставъ стряпати, а Грицько ему помогавъ.

Полюбивъ москаль Грицька, якъ своего сына и дякувавъ хозяина кажный разъ, якъ винъ проходивъ на пасику, за такого моторнаго хлопця.

Бесело жилося Грицькови на пасици, биля москаля, котрого любивъ винъ и почивавъ якъ ридного батька. Такъ проживъ винъ чотыри годы. Вакула посылавъ его инчій разъ, коли самому було николи, продавати медъ, масло и сметану. Все дило ишло добре, та случилася такая бида: пріихавъ Грицько на базаръ и поставивъ свій крамъ на доливку. Якійсь жидъ зачипивъ у его члечикъ съ молокомъ, розливъ и не хотивъ заплатити грошей за свою шкоду. За Грицька вступилися мужики и пидняли гомонъ. На цей крикъ, де не взявся, пидійшовъ урядникъ, ставъ питати спершу жида, а потимъ и Грицька. Винъ присудивъ, щобъ жидъ заплативъ Грицько що було треба. Грицько вже получивъ и гроши и

урядникъ одійшовъ отъ его. Позгодя, вернувся до Грицькового воза, той ставъ пытаси Грицька:

— Ты, хлопче, виткиля?

— Зъ деревни Горабы, — мовлявъ Грицько.

— Чей ты?

— Работникъ Викулы Семеновича.

— А якъ ему прозвище?

— Не знаю.

— Давно живешь у его?

— Чотыри годы.

— А якъ твое прозвище?

— Не знаю.

— Ого добре! Свого прозвища не знаешь!

— Я сирота и у мене не маѣ прозвища!

— А виткеля ты родомъ?

— Самъ не знаю.

— Далеко те село виткиля ты прійшовъ до Вакулы?

— Далеко.

— Знаешь до его дорогу.

— Теперечки не знайду, бо зобувъ.

— Якъ я бачу, то ты бродяга! Запрягай свою коняку, поидемъ у станъ.

Запрягъ Грицько коняку и поихали у станъ Становой недовго размовлявъ съ Грицькомъ и веливъ его посадити пидъ замокъ, а коняку съ возомъ отослати Вакули и позвати его самого у станъ. Переляковся Вакула и не ставъ питати де той крамъ, который бувъ у Грицька.

Якъ пріихавъ Вакула у станъ, его довго пытавъ становый, посадивъ вмисти съ Грицькомъ и написавъ справнику, котры присудивъ Вакулу выпустить на поруки, а Грицька послать у острогъ. Довго тягали Вакулу, а Грицько просидивъ у остроги цилый годъ и ничого отъ его не допыталися. Треба було выпускати и его зъ острога на поруки. Вакула отъ его отцурався и здали его у село Мирошники, де винъ живъ и доси.

Богато до чого наслухався Грицько у острози отъ тихъ людей, котри сидили зъ нимъ вмисти и вже не походивъ на того моторнаго хлопця, якъ бувъ у Вакулы. Ставъ винъ пити горилку и у работи бувъ

ледящій, такъ що нихто зъ мужиковъ не принимавъ его у работники до себѣ. Пробиткавси винъ цилу зиму, а весною мужики наняли его у чабаны. Три годы вже винъ чабанувавъ, пропявающи гроши, котри зароблявъ. Пивъ винъ бильше отъ горя. Полюбилася ему Гапка. Гирко було кохати ои мовча и стало ще горше, коли зъ нею перемолвився, бильше стала надъ нимъ сміятися и мовляла.

— Хиба вже свитъ клиномъ зійшовся, що я стану кохати такого осуружнаго.

— Чимъ же я осуружный?—спытавъ Грицько и слезы прыснули у его зъ очей.

— Ты пьяница и одягтись у тебе не бае ви що, бо все несешь у шинокъ.

— А тыбъ, Гапко, спершу спытала мене, на що я пью?

— Не мое це дило!

— Господь зъ тобою, дивчина! Така вже моя несчастна доля!

— И никому не кажи, що я зъ тобою размовляла, бо мини высміютъ очи.

Грицько отійшовъ отъ Гапки, зойшовъ у шинокъ и пропивъ свои чоботы, котри недавно справивъ.

Ныло у сердешного парубка сердце, нудно ему було, мовча дивитися на Гапку, а по неволи винъ зустричався зъ нею часто, коли вона выгоняла корову до череды Всяка думка приходила ему въ голову: то винъ хотивъ наложити на себе руки, то думавъ убить Гапку, та Богъ его миловавъ, не зробивъ доси, якъ шептала ему на ухо нечиста сила.

Такъ и шло дило до вечерницъ у Маруси. Бачивъ Грицько якима очима дивилась Гапка до Семена и якъ льнула до его, а винъ байдуже соби и не дививсь на неи, а жартувавъ съ другою дивчиною. Гапка и билила и червонила ревнуючи Семена, а Грицьковому сердцу було легче, що Семенъ тикже робить зъ нею якъ вона зъ нимъ самимъ. Пидъ кинецъ вечерницъ Гапка Грицькови була такъ ненавистна, а лукавый такъ его смутивъ, що винъ готовъ бувъ еи убити. Такъ бы воно и було колибъ винъ не выпивъ дуже богато горилки.

VI.

Пидъ Новый годъ опьять зойшлися до Маруси и Грицька позвали. Опять вси веселилися. Тилько Грицько сидивъ наупившись, якъ черна хмара, не спивавъ писни, гравъ не весело и горилки пивъ мало. Задумавъ винъ у ту саму ничь скоротати викъ Гапки. Выйшовъ схаты прежде всихъ, побигъ до хаты Гапкиной, перелизъ черезъ тынъ и сивъ не далеко отъ воритъ. Не довго прійшлось ему дожидатися, скоро верталася до дому и Гапка. Тилько що вона війшла у вороты и стала ихъ зачиняти. Грицько пидскочивъ до неи сзаду и ударивъ кійкомъ по голови. Гапка упала не промовивши ни одного слова. Грицько ударивъ другій и третій разъ,

поки на снигу показалася мозга. Нахилився винъ поближче до Гапки и якъ почувъ що вона вже не дыше, перелизъ черезъ ворота и побигъ, не оглядаючись, городами, щобъ нихто его не побачивъ.

Гапкина мати дожидалася дочку свою и выйшла на дворъ подывитися, чи розсвитае? Якъ отчинила вона двери и побачила, що хтось лежитъ биля воротъ, то злякалася и вернувшись у хату, казала человѣкови, що бачила.

— Ты бы гукнула разъ, другій!—мовлявъ чоловикъ.

— А ты пиды самъ!

— Не мае у мене мочи встати!

— А я не пиду?

— Чого ты злякалась?

— Мини не обрыдно жити на цимъ свити! Може то злодій?

— Чого жъ бы винъ лежавъ биля воритъ, мабудь хто небудь пьяный?

Одумалася жинка и пишла. Стала вона разглядати спершу отъ дверей и гукнула. Отвиту не було. Тоди вона подошла ближче и ближче. Якъ разглядила вона, що то лежитъ Гапка, мерщи подскочила

до неи и стала штовхати еи, подумавши що вона пьяна. Нахилившись маты побачила мозгу и съ крикомъ вернулася у хату.

— Убили дивку!—кричала вона.

— Кого убили?—пытавъ чоловикъ.

— Ганку!

— Хто убивъ?

— Не знаю! Вже застыла, а биля головы цила каможа мозги!

— Господи праведный! Що це таке?

— Що теперички робити?

— Бижи до сусидивъ и зови ихъ, може помогутъ внести еи у хату.

Побигла жинка, позвала сусудивъ, пидойшли вони до убитои и неприторкнулися до неи.

— Треба заразъ казати старшинй!—мавлявъ одинъ сусидъ.

— Чи не внести ея у хату?—спытавъ другій сусидъ.

— Безъ приказу старшины не можно.

— А може вона ще жива и, поки прійде сюды старшина, замерзне!

Послали бабу до старшины. Ледве вона добудилася его. Вставъ винъ, одягся и

пійшовъ. Богато сбиглося народу до воротъ. Старшина протовкався, подививсь, тай каже.

— Прикрывайте рогожею мертвое тило и не приторкайтесь до его, поки пріиде становый.

— Якъ же заставити на двори?—Собаки, або вовки нашкодятъ! — мовлялъ якійсь мужикъ!

— Треба стерегти по череду и день и ничь!—мовлялъ старшина.

— Хто-жъ це зробивъ таку шкоду?— мовляли бабы и мужики.

— Становій дознаится!— казавъ старшина.

Покрыли тило Гапки рядниною. Народъ постоявъ ще трохи и розійшлися. Приходили у день ти, котри не бачили, та и не прійшлось имъ ничого побачити, бо очередный сторожъ не подпускавъ никого близько.

У обиды на другій день, пріихавъ становый, позвавъ чоловикъ десять мужиковъ, при нихъ открывъ ряднину и ставъ разглядати и писати бумагу, а написавши

еи, приказавъ внести Гапкино тило у хату батькову.

Черезъ три дня пріихавъ ликарь та ще якійсь панъ, разпатрошили тило, написали опьять бумагу, розришили его ховати и поихали.

Поховали Гапку пидъ зеленымъ яворомъ на могилкахъ. Дуже убивалася мати еи, а батько черезъ три дня умеръ отъ великого горя. Смерть Гапки такъ переполошила все село, що инчи боялися у ночи выйти зъ хаты. Нихто не могъ и додуматися чья то шкода? Становый скоро опьять пріихавъ до Маруси у хату, выпытавъ у неи хто бувъ на вечерницахъ и всихъ веливъ старшини созвати. До самого вечера винъ пытавъ всихъ и самого Грицька, который не признався. Написавъ становый велику грамоту и ставъ читати, пытаючи по череду, читавъ що написано? Вси казали що такъ. Тоди винъ казавъ Маруси:

— Чтобы больше не было у тебя сборища, а то за это будешь отвѣчать, такъ какъ какъ ты не спрашивала разрѣшенія начальства!

— Ни, пане становый, бильше не прійдутъ! Мене стали парубки и дивчата прохати я и пустила,—мовляла Маруся.

— Ты и такъ будешь находиться въ подозрѣніи у начальства и много тебѣ придется отвѣчать.

— Хиба я що знаю?

— Придется всѣмъ принимать присягу!

— Я хоть заразъ!

— Ну это будетъ въ свое время.

— Лихо вамъ всимъ!—казала Маруся и заголосила.

— Кто виноватъ, тотъ и отвѣчать будетъ, а заранѣе ревѣть нечего!—мовлялъ становый и поихавъ.

VII.

Грицькови стало ще нуднище якъ убивъ Гапку. Ходивъ винъ якъ оглашенный и горилка не пилась, у ночи не спавъ, ничого не ивъ и ни съ кѣмъ не размовлявъ. Живъ онъ у одного мужика работникомъ за одни харчи. Дивувався хозяинъ съ своею жинкою, що ему попритчилось?

— Чи не Грицько вже убивъ Гапку?— спытала жинка, коли Грицько не було у хати.

— Дурна ты! За що ему еи убивати?— мовлявъ чоловикъ.

— А може и було за що?

— Ты мовчи соби, коли не хочешь щобъ тебе притягнули до суда!

— Чого мине судити?

— Такъ не давай воли свому довгому языку, бо у всихъ бабъ волосья та языкъ довгій, а разумъ короткій! — грымовля чоловикъ.

Жинка замовчала па цей разъ, а ввечеру того же дня стала пытати Грицько:

— Що тоби подіялось, парубче? Не исы ты ничого и у ночи не спитъ та все здыхаешь такъ важно?

— Жаль мине, титко, Гапку!—мовлявъ Грицько, и у самого покатилися слезы зъ очей.

— Чого жъ тоби еи жалити?

— Эхъ, болитъ мое сердце!

— Чого-жъ ему болити. Вона була тоби чужа?

— Любивъ я еи бильше чимъ свою.

— И вона тебе любила?

— Вона мене цуралася!

— За що-жъ тоби було еи любити?

— Съ сердцемъ ничого не зробишь!

— Хто жъ еи убивъ?

— Я, титко! Страшно мине було признатися становому! Замучутъ у острози, а потимъ сошлютъ у Сибирь!.. Викъ свій прійдется мучитися! Не страшно мини хоть бы рвали на шматки мое тило, а важко и не переносно якъ мучивъ мене совисть! Передъ очими моимъ стоитъ Гапка и не стыде отъ мене ни днемъ ни у

ночи! Ные сердце мое и волосья на голови встають дыбомъ!

— Мы вже и справда вона до тебе приходитъ, и мы ничого не бачимъ?—пытала Грицькови хозяйка, и у ней зубы стукали отъ страху, буцимто еи пропасница була, а само вона побилила якъ крейда.—Мабудь то не Гапка, а не чиста сила? - промолвила вона.

— Конешно нечиста сила!

— Треба окропити вашу хату свяченою водою.

— Не кажи, титко, чоловикови ничого, я отъ васъ и самъ скоро пиду куды-нибудь!

— У хату війшовъ хозяинъ, а Грицько мерщи выйшовъ, поробивъ де що на двори, а якъ смерклось пишовъ на Гапкину могилу, припавъ на сыру землю и плакавъ якъ маленька, причитаючи.— Любивъ я тобе, мое серденько, якъ голубь голубку, а ты сміялася надо мною. Важко мини було дивитися на твое кохонье бо парубка, который не любивъ тебе и не хотивъ на тобе дивитмся! Помутився мій разумъ и я наложивъ тебе руку свою прокляту!

Безъ тебе жити мене важко и нудно. Проклинаю той день, у который я народився на билый свитъ! Не хочу я и самъ жити на свити! Прости мене и легче буде мини терпити муки у пекли! Помолись за мене Богу!..

До пивночи лежавъ Грицько на могили и хотивъ замерзнуть, та морозъ его не бравъ. То винъ вставъ на ноги, знявъ съ себе поясъ, зробивъ петлю, надивъ соби еи на шію, полизъ на явиръ, привьязавъ другій кинецъ пояса за сукъ и повивыся, дрыгаючи ногами.

Якъ стало разсвитати, мужики поихали по дорози, биля могилокъ, на базарь. Побачивши що на дереви виситъ чоловикъ, вернулися у село, побигли до волостного начальства, Переполошилося все село и народъ побигъ на могилки дивитися на удавленника. Дивувалися вси, коли побачили що удавився Грицько и мовляли, що мабуть винъ убивъ Гапку. Старшина поставивъ сторожа биля удавленника и пославъ до станового, который не пріихавъ до другого дня. На ничь сторожили двое мужиковъ: Власенко и Бугай,

котри зъ переляку ледве не утикли у село. Вони разсказывали, таки чудеса, яки не видали и не слыхали. Власенко казавъ, що винъ бачивъ, якъ огненный змій прилетивъ, сивъ на Грицькову голову и завывъ якъ вовкъ; а удавленникъ ставъ махати руками и ногами и качатися такъ, що ажъ сукъ трищавъ. Писля змій перевернувся у кота, котрый стрыбавъ и чиплявся за сучки явора, такъ що винъ нахилявся на вси стороны якъ былинка. Стрыбнувъ китъ на удавленника, котрый застогнавъ и упавъ на Гапкину могилу. Бильше винъ ничого не бачивъ, бо у ево отбили помороки зъ переляку. А Бугай казавъ, що винъ чувъ завыванье и бачивъ, якъ Грицькове тило упало зъ дерева. Могила Гапкина разступилася и видтиля выйшла зъ роспущинною косою: чи дивка, ачи баба, котра не походила на Гапку. Вона штовхнула своею ногою мертве Грицьково тило и воно покатилося зъ могилы и застогнало. Тутъ заспивали у сели писни и все сгинуло, а удавленникъ такъ и застався на земли биля Гапкиною могилы.

— А вы пили горилку передъ тимъ, якъ пишли на сторожу?—спытавъ старшина Власенка и Бугая.

— Всего пивъ-кварты выпили у шинку, та зъ собою взяли на могилки пивъ-кварты!—мовлявъ Бугай.

— И тамычки выпили заразъ?

— Якъ прійшли такъ и выпили и попоштували Чернобрываго, котрый до насъ бувъ тамъ сторожомъ,—казавъ Власенко.

— Такъ все це диво зробила вамъ горилка!—казавъ, сміючись, старшина.

— Хиба жъ у насъ очи по вылазили?—казавъ Власенко.

— Хто жъ звалиьъ зъ дерева удавленника,—спытавъ Бугай.

Витромъ звалило!—казавъ старшина.

— Такь и становому казати, що витромъ звалило?—спытавъ Бугай.

— Я тебе не неволю такъ казати, а думаю, що инче було, якъ витеръ!—мовлявъ старшина.

Пріихавъ становый и опьять ставъ пытати. Та на цей разъ призывавъ народу не богато.

Сховали Грицька не на самихъ могил-

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY,
AT URBANA-CHAMPAIGN

кажъ, а за ровомъ, безъ попа и хреста не не поставили на его могили.

VIII.

Великого переполоху наробила у селѣ Мирошникахъ смерть Гапки и Грицька. Пройшли и праздники и половину мясоида и писень не спивали на юлици и вечерницъ нигдѣ не було.

Прийшовъ у село москаль, погостити до своего двоюрдного дядьки—старшины. Бувъ винъ веселый чоловикъ и ничого не боявся. Титка ему разсказала, шо случилося съ Гапкою и Грицькомъ, а винъ засміявся, тай казавъ:

— То то у васъ и до сихъ поръ пахнетъ мертвячиной. Два дня я у васъ гостяхъ и никого почти не вижу. Молодежь не ходитъ на улицу, нигдѣ не слышно пѣсенъ, нѣтъ вечерницъ и у всѣхъ съ самыхъ сумерокъ двери на запорѣ!

— Та якъ же инче? Борони Боже!..

— А что, мертвецы влѣзутъ въ избу, ты думаешь?—Нѣтъ, съ того свѣта не придутъ!—перебивъ титку свою москаль.

— Якій ты ставъ безстрашный у москаляхъ! Мабуть васъ тамъ муштруютъ, щобъ вы ничого иэ боялися.

— Солдатъ не долженъ быть бабой и бояться всякихъ пустяковъ!

— У насъ инчи и мужики боятся и насъ бабъ лякаютъ!

— И дядинька боится?

— Ни, винъ ничого ни казавъ и у ночи ходитъ, куды позовутъ.

— Эге.

— Нечего бояться, тетушка! Зови гостей, покупай водочки, а закуска чай найдется доморощенная, по крайности повеселимся!

— И ты, Иване, по нашему и балакати забувъ.

— А ты, тетушка, зубы не заговаривай, а отвѣчай на то, что я говорю!

— Треба поспытати твого дядька.

— Ну, ладно! Если денегъ мало, то я прибавлю своихъ солдатскихъ.

— А у москаливъ грошенята водятся!

— Инымъ родственники присылаютъ, а иные сами зарабатываютъ. Кто, значитъ, обученъ какому-нибудь ремеслу, ну ремесломъ этимъ и промышляетъ по милости. Вотъ я, напримѣръ, и башмаки и сапоги могу сшить. Иной разъ со стороны даютъ работу, а то товарищи отдаютъ, кто хочетъ имѣть обувь пофорсистѣе супротивъ казенной? Видишь на мнѣ сапоги? Самъ дѣлалъ! Нужно бы складнѣе, да нельзя.

— Гарни, гарни чоботы! Ты и мини сшій, Иване, черевики.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, покупай товару и въ два дня будутъ готовы, а прежде всего ты устрой вечеринку. До страсти я люблю компанію!

— Будемъ вмисти прохати дядька.

— Гдѣ онъ сейчасъ?

— У волоснимъ.

— Сходить что-ль за нимъ?

— Винъ и самъ теперечки скоро прійде.

— Я люблю, чтобы все дѣлалось быстро, разъ и разъ—по военному!

— Якій ты ставъ прыткій, Иване!

— Въ военной службѣ нельзя иначе.

— Вси москали таки якъ ты?

— Не всѣ, ну тѣмъ и цѣна не велика!

Въ хату війшовъ старшина, перехрестився на образа и ставъ роздягатися.

— Я казала що дядько заразъ прійде!

— Хиба у васъ до мене дило? — спытавъ старшина, ухмыляючись.

— Кажи, Иване!

— Есть, дядинька, дѣло большое, пребольшущее!

— Послухаимъ яке то дило, а спершу пообидаемъ.

— Дѣло безотлагательнос! — мовлялъ москаль, сміючись.

— Ну, кажи!

— Мы съ тетушкой разговаривали на счетъ того, что у васъ на селѣ очень ужъ скучно, не то, что бывало прежде.

— Ну, а дали що буде?

— Нужно, дяденька, затѣять веселье!

— Яки-жъ то висилья? Тебе женити?

— Ужъ это, дядинька, послѣ!

— А яке-жъ висилья зробити?

— Позвать, значитъ, гостей къ себѣ! водочки по малости выпить, а тамъ само дѣло покажетъ что дѣлать.

Старшина задумався и, трохи помовчавши, казавъ жинци своій:

— Треба, жинко, уважити москалики. Коли ще ты его побачишь?

— Иванъ дае и своихъ грошей на горилку, та на пиво!—мовляла жинка.

— На що намъ его гроши, ему пригодятся. Мы и своихъ знайдемъ!

— Вотъ такъ дядинька! Не человѣкъ, а орелъ! Словно служитъ въ военной службѣ, разъ, разъ и готово! Не даромъ седьмой годъ сидитъ начальствомъ деревенскимъ!—мовлялъ москаль.

— Кинецъ прошлаго года бувъ у насъ не счастливый!—мовлявъ старшина.

— Всяко бываетъ и сомнѣваться этимъ дѣломъ нѣтъ резону, потому что оно не отъ васъ происходитъ и предусмотрѣнія вы не могли имѣть на счетъ этого случая.

— Що тутъ было хлопотъ!

— Начальству хлопоты прежде всѣхъ!

Сили обидати и все размовляли, а писля обида Иванова титка пишла кликати гостей до себе, а Иванъ пишовъ у шинокъ за горилкою и пивомъ. Ввечери прійшли и гости. Мижъ ними бувъ одинъ па-

рубокъ и дви дивчины, а остатки вси були вже стары. Вынувъ Иванъ зъ свого мѣшка музыку тай загравъ. Нихто не пишовъ танцюваты, а дивились вси на музыку.

— Яка то музыка? — шепталися дивчата.

— Эта гармонія, красавицы мои, и на ней играть очень мудрено. Я три года учусь и кое-какъ играю. А что же вы не танцуете? Плясовую я могу сыграть самую забористую!

— Мы не уміимъ,—казала чорнява дивка, закрываючи лице свое рукавомъ сорочки.

— Какъ умѣете, мы не взыщемъ! Если бы кто сыгралъ, то и сплясалъ бы съ вами съ удовольствіемъ.

Дивчата соромились и не стали танцювати, а парубокъ якъ пидвипивъ, то и ударивъ гопака, ажъ москалеви було на диво!

— Ну, москаликъ, поштуй гостей чесныхъ!—мовлялъ старшина веселымъ голосомъ.

— За этимъ дѣло не станетъ!—казавъ

Иванъ и по череду пидносивъ чарку съ горилкою.

Дивокъ Иванъ поштувавъ пивомъ, писля всихъ. Доставъ съ полици полумисокъ, у котримъ були ласощи и поставивъ передъ ними. Спершу вони соромились, а потимъ стали исты, та дякувати москаля.

Вси гомонили у хати про то и про се звернули на Грицька и Гапку. Москаль прислухався тай казавъ ставши посередъ хаты.

— Все, что вы, господа, говорите сущіе пустяки и не стоитъ ихъ брать во вниманіе! Слыханное ли дѣло, чтобы мертвецы вставали изъ своихъ могилъ и безпокоили живыхъ людей?

— Мертвяки, котри умерли своею смертію, не встаютъ, а удавленники и утопленники встаютъ и треба Грицька прибити осиновымъ коломъ у спину!—казавъ старый бондарь, родичъ старшины.

— Ты самъ видѣлъ, какъ они встаютъ?—спытавъ москаль.

— Не бачивъ, бо вони ходятъ невидимкою!

— Какъ-же и кто дознался, что они

встаютъ, если ихъ самихъ никто не видѣлъ?

— Кажутъ, что вони лежатъ до пивночи у домовини, до горы спиною! Батько мій покойникъ самъ бачивъ не одинъ разъ и намъ казавъ.

— Не вѣрю я этому.

— Не бись, та стережись! — мовляла стара баба, бондарева жинка.

— А бояться я и подавно не боюсь! — рыготавъ москаль. — Если-бъ я зналъ гдѣ Грицькова могила, то хоть сейчасъ пошелъ бы къ ней!

— Мати Божа! Чи то можно? — вскрикнула чорнява дивчина.

— Хвастаишься ты, и не пидешь! Може ты самъ вовкулика, тоди пидешь! — мовляла бондариха.

— Объ закладъ буду биться, что пойду! — споривъ москаль.

— А хто-жъ тебе буде бачити? Провожати тебе нихто не пиде, бо всякому своя жизнь не обрыдла!

— Провожать меня не нужно, а мы сдѣлаемъ такъ: мнѣ покажутъ днемъ ту могилу и, когда я уйду домой, пускай по-

ложуть на той могилѣ какую-нибудь примѣту, а ночью скажуть мнѣ, я пойду и принесу ее! Кто хочетъ биться со мною объ закладъ, всего лишь на кварту водки, для всеобщаго угощенія?

Мужики сидили мовча, бабы притулилися до стинки и трусились якъ у трясци, дивчата позакрывали соби очи рукавами.

— Что-же, бабушка, давай съ тобою прозакладуемъ кварту, не Богъ вѣсть чего она стоитъ! — мовлялъ москаль.

— Я ще не сказывалась! — мовляла бондариха.

— Никого охотниковъ нѣтъ?

— Давай зо мною! — казавъ парубокъ.

— Ты что говоришь?

— Що ты не пидешь, а коли и пидешь, то не дойдешь.

— А я говорю, что не только схожу на могилу, но и принесу оттуда примѣту, которую ты долженъ положить.

— Добре!

— Такъ завтра утромъ ты и могилу Грицькову покажешь?

— Ходимъ, покажу!

Ударили по рукамъ. Всѣ ужахнулися на парубка, а бондариха и каже:

— Дурный ты, Пилипе! Наживешь ты соби лиха съ тимъ закладомъ! Чи ты ни бачивъ кварты горилки?

— Бачивъ я и бильше! Горилки мини хоть и зовсимъ не треба, а хочется подивитися, що зъ того буде?

— Больше ничего не будетъ, какъ-то что мы выпьемъ водочки и попотчуемъ, кто пожелаетъ Дядинька позволитъ намъ завтра собраться здѣсь.

— Годи вамъ балакати про мертвяковъ!—мовлялъ старшина.

— Мы больше не будемъ говорить, только ты позволь намъ собраться у тебя въ самую полночь.

— Съ тобою що подiится яко лихо, то мы будемъ отвичати!—мовляла старшинова жинка.

— Отвѣчать никто не будетъ, потому я по своей волѣ иду. Всѣ, кто здѣсь есть будутъ свидѣтелями!

— Завтра ввечери приходить до мене вся честна компанiя у гости! — мовлявъ

мирошникъ, вставши зъ свого миста и поклонившись на вси четыре стороны.

— Вотъ и отлично! Стало быть я при свидѣтеляхъ принесу примѣту!

— Заграй лучше у свою музыку, нехай дивчата потанцюютъ! — мовлявъ старшина.

— Вы еще не знаете, господа, что такое есть солдатская неустрашимость! Наше дѣло, иди куда приказываетъ начальство, а не то что на могилу! — казавъ москаль, взявши свою музыку.

Загравъ винъ, парубки и дивчата стали танцовати. Бильше не було мовы ни про мертвяковъ, ни про закладъ. Гости просидили до пивночи, подякували хозяина и розійшлися. Дивчата боялися идти до дому, та москаль вызвався ихъ провожати.

Вернувшись до дому москаль ставъ стилитися на доливци. Старшина лежавъ на полу, а жинка его прибирала со стола и мыла полумиски.

— Може Иванъ, хоче вечеряти? — казавъ старшина своій жинцы.

— Спасибо, дядинька, я не голоденъ!— мовлявъ москаль.

— Що це тоби здумалось, Ивана, таке страшне дило?—спытала титка.

— Какія тутъ страсти? Мнѣ это ни почемъ! Я только хочу всѣмъ вамъ доказать, что вы напрасно боитесь и, съ моей легкой руки всѣ позабудутъ о Гапкѣ и Грицкѣ и у васъ будетъ веселѣе, а то всѣ носы повѣсили, словно приговоренные къ смерти.

— Може воно и справди вси думаютъ напрасно про мертвяковъ, та не треба буде битися объ закладъ!—обизвався дядько.—Воно що случится съ тобою и не отъ закладу и не отъ мертвяковъ, о люди станутъ казати, що тобе науськали!

— Я не ребенокъ, дядинька, и меня никто подзадорить не можетъ на какое-нибудь дѣло, если не будетъ своей охоты. Все это дѣло плюнуть и растереть! А говору и смѣху сколько будетъ!

— А ты послухайся дядька, Иване, то, не ходи лучше!—мовляла титка.

— Тогда парень назоветъ меня трусомъ, а вѣдь это, для нашего брата—солдата, оскорбительно!

— Нихто и ничого не скаже тоби! Посміялися и годи!

— Вы ужъ меня не останавливайте, тетушка, въ этомъ дѣлѣ, потому что здѣсь никому убытку не будетъ!

— Завтра на свижій разумъ одумаешься,—мовлялъ старшина, повертаючись на другій бикъ.

IX.

На другій день вранци москаль съ парубкомъ пишли на те мисто, де була Грицькова могила и вернулися до дому. Титка допытывалась у Ивана де винъ бувъ, а винъ ничого ей не сказавъ, а тилько махнувъ рукою, сміючись.

Ввечери прійшли гости до мирошника и мижъ ними старшина съ жинкою и москаль. Дивокъ набралось съ десять и парубковъ съ пьятокъ. Принесли и балабайку и сопилку. Москаливи була лахва! Розбигалися у его очи, одна дивчина була краше другой. Москаль бувъ и самъ не уродливый, такъ що и на его дивчата дивылися, якъ китъ на сало и, штовхаючи

дружка дружку нидъ боки шепталися промижъ собе про его.

— Дивытися, дивчата, якій гарный москаликъ, не то, що наши парубки, якъ панъ лицемъ!—шептала дивка Оксана.

— И чепурный и красивый! Чого стоютъ одни усики?—казала Параска.

— А вы не знаете якій винъ хвабрый!—перебивала всихъ чорнява дивчина, котра вчора була у старшины.

Одинъ парубокъ загравъ у сопилку. Мирошникъ ставъ прохати, щобъ танцювали. Нихто не начинавъ. Москаль выйшовъ посередъ хаты, тай казавъ:

— Пожалуйте, барышни, кому угодно со мною сплясать!

Дивки переминались и соромились. Тоди москаль пидійшовъ до чорнявой дивчины и казавъ:

— Вы вчера плясали, такъ вамъ и начинать, а за вами и подруги ваши можетъ быть разохотятся!

Чорнява дивчина выйшла на середину хаты и станцювавши трохи зъ москалемъ, отойшла до купы дивчатъ, схопила Параску за руку и штовхнула до москаля.

Выйшовъ ще одинъ парубокъ и Оксана и затанцювали. Скоро и вси разохотились, такъ що було дуже тисно.

— Спасиби москалику! — мовлявъ мирошникъ! Ты развесиливъ нашихъ дивчатъ.

— Я очень люблю повеселиться, а главное чтобы все было безъ церемонiа, а по душамъ, на чистоту.

Мирошникъ и его жинка попоштували гостей, кого горилкою, и кого пивомъ, та медомъ. Дивчата заспивали.

До пивночи вси веселилися. Ни хто не замитивъ, якъ москаль выйшовъ зъ хаты.

— Дежъ нашъ москаликъ? — спытавъ мирошникъ, оглядаючи всихъ.

Вси мовчали переглядывалися, а парубокъ который бився зъ нимъ объ закладъ, казавъ:

— Пишовъ кварту горилки выбивати зъ мене!

— На що ты его пустивъ, хиба мало горилки? — казавъ мирошникъ.

— Чорнява дивка розсказала своимъ подругамъ куды пишовъ москаль, парубки

прислухались и вси вмисти дивувалися и змовкли, дожидаючись москаля.

На двори заскрипивъ снигъ. Вси притаили дыханіе. Дивки сбилися у купу. Отчинилася дверь, війшовъ въ хату москаль кинувъ на долявку рукавицю, тай пытае парубка, который бився зъ нимъ объ закладъ:

— Твоя чтоль рукавица?

— Моя!

— Давай кварту водки!

— Заразъ пиду куповати! За таки дило не жаль и пивъ-ведра.

— Это для насъ сущая бездѣлица! Сколько прозакладывалъ, столько и давай и знай впередъ, что съ солдатомъ, вашему брату, не статья тягаться.

— Розскажи, Иване, якъ же ты взявъ ту руковицю?—прохала его титка.

— Руками, тетушка!—мовлявъ москаль сміючись.

— Невже ничого не чувъ и не бачивъ?

— Мало ли что я видѣлъ и слыхалъ!

— Розскажи и намъ! — загомонили вси, хто бувъ у хати.

Москаль откашливаясь и ставъ казати:

— Пришелъ я къ могилѣ. Вижу на самой верхушкѣ ея лежитъ рукавица. Должно быть, думаю себѣ, это и есть самая примѣта? Сталъ я наклоняться, чтобы взять ее, какъ вдругъ подо мною дрогнула земля. Не успѣлъ я взять рукавицу, какъ могила вдругъ, какъ мигнуть глазомъ, разступилась и оттуда выскочилъ мертвецъ высокаго роста, выпрямился во весь ростъ и наступилъ одною ногою на рукавицу. Какъ взять у него рукавицу? Дай-ка, подумалъ я себѣ, заведу съ нимъ разговоръ:

— Здравія желаемъ!—крикнулъ я взявши руку подъ козырекъ.

Отвѣта не было. Ужъ не представляется ли мнѣ вся эта исторія, подумалъ я? Протеръ себѣ глаза, поглядѣлъ. Нѣтъ, стоитъ, какъ есть! Я, значитъ опять повторилъ свой привѣтъ, только прибавилъ: „ваше степенство“, потому что чина онъ никакого не имѣетъ. Застучали, братцы мои, послѣ этого кости у мертвеца, замоталъ онъ головою и промысалъ не человѣчьимъ голосомъ:

— Чого ты прійшовъ сыды?

— За рукавицей!

— Не дамъ!

— Какъ не дажь? Ты говорятъ здѣсь пошаливаешь? Такъ со мною не разговаривай, а то у меня расправа будетъ короткая: разъ и разъ!

Москаль вынявъ шаблю свою и махнувъ ею надъ своею головою тричи и опьять встромивъ у ножны.

— Якъ же ты взявъ рукавицю?—спытавъ старшина.

— Подождите что будетъ дальше! Ступай, говорю, на свое мѣсто.

— Якъ пиду, то и тебе потягну съ собою!

— Будешь, говорю, отвѣчать передъ начальствомъ моимъ, а оно шутить не любитъ, сейчасъ прикажетъ пригвоздить тебя осиновымъ коломъ! Впрочемъ я и самъ съ тобою справлюсь, потому что не стоитъ изъ-за тебя безпокоить начальство. Сначала, братецъ ты мой, я пришпилю тебя тесакомъ, а потомъ пойду вырублю осиновый колъ и самъ приткну тебя!

Мертвецъ затрясъ костлявыми своими

руками и ногами и сталъ валиться на меня. Я толкнулъ его назадъ и выхватилъ изъ подъ ноги его рукавицу, онъ зарычалъ и снова хотѣлъ на меня наброситься, какъ вдругъ послышался гдѣ-то голосъ и онъ вдругъ исчезъ, какъ и не бывало его. Плюнулъ я, заругался и пошелъ назадъ и вотъ, какъ видите, цѣлехонекъ, и здоровехонекъ, въ своемъ разумѣ, стою передъ вами!

— Не вже ты не злякався? — спытала мирошниха.

— Ни Боже мой! — казавъ москаль.

— Добро що пивень проспивавъ, а то булобъ тоби, хлопче, лихо! — мовляла гутка москалева.

— Не знаю, кому было бы плохо! Я бы всѣ косточки его искрошилъ, да побоялся, что зазубришь казенное оружіе!

— Храбрый ты, москалю! Тоби не страшно на войну ходити противъ живыхъ людей, коли зъ мертвякомъ, та ще удавленникомъ, справився! — мовлявъ мирошникъ, пиднося москалеви чарку горилки.

— Какая это война съ мертвецомъ —

плевое дѣло! Всякій мужчина, мало-мальски не трусъ, могъ его уничтожить! — мовлявъ москаль выпиваючи чарку.

— Коли у тобе винъ пругався, а не зразу сгинувъ, а коли-бъ не проспивавъ пивень, то може булобъ тоби и не добре, такъ дежъ намъ зъ нимъ працюваватися? — мовлявъ парубокъ, той самый що бився объ закладъ.

— А гдѣ же та кварта, которуы я выигралъ съ тебя, любезный мой трусъ?

— На столи! — мовлявъ парубокъ.

— Такъ ты угощай честную компанію, товарищъ, и приговаривай передъ всякимъ, что больше никогда не будешь спорить съ солдатикомъ, потому что это тебѣ не подъ силу.

— Ты выигравъ, такъ тоби и поштувати! — мовлявъ парубокъ.

— Ладно! А ты ходи за мною и приговаривай, какъ я тебѣ велѣлъ.

Вси засміялися. Парубокъ засоромився и не пишовъ за поштующимъ москалемъ. Дивчата ще пуще хвалили москаля, размовляя промижъ себе. Всимъ винъ покохався, тилько вони не признавалися одна другій.

Якъ обнисъ москаль всихъ горилкою, а дивчатъ пивомъ, то прохавъ парубкивъ грати и первый затанцювавъ. За нимъ пустилися вси, хто якъ умивъ и стрыбали до десятого чота. А якъ перестали танцювати, то сгаршина казавъ:

— Пора и до дому, скоро буде разсвитати, треба дать покой хозяину.

— На прощанье, господа, позвольте вамъ сказать, что все слышанное вами здѣсь отъ меня, есть моя выдумка! Я только хотѣлъ васъ позабавить Никакого мертвеца я не видѣлъ и ничего не слыхалъ на Грицьковой могилѣ, а преспокойно подошелъ, взялъ рукавицу и пошелъ назадъ своею дорогою! — казавъ москаль.—Я вамъ и прежде говорилъ и теперь повторяю, что мертвецы не встаютъ изъ своихъ гробовъ и бояться ихъ и грѣшно и смѣшно! Бываютъ случаи, пишутъ въ книжкахъ, что въ могилахъ оживаютъ умерш!е люди, но это тѣ, которые заживо погребены. Другими словами: они казались умершими, а въ сущности были живыми, а ихъ похоронили по незнанію.

— Якъ же вони оживаютъ, разскажи намъ, москалю?—казавъ мирошникъ.

— Другимъ разомъ, а теперь домой пора, говоритъ начальство.

— Та ци людю вовкувалаки, або видьмы?

— Ни то, ни другое, а такіе же грѣшные люди, какъ и мы!

— Разскажи, Иване. Сидили довго и не обрыднешь хозяину, поки розскажешь!—мовлявъ старшина.

— Много говорить, а мало слушать!—мовлявъ москаль сидючи били стола.—Человѣкъ не дышетъ, похолодѣетъ какъ мертвецъ, а внутри его жизнь продолжается. Его сочтутъ умершимъ, обмоютъ, положатъ въ передній уголъ а потомъ въ гробъ и похоронятъ. Проснется онъ тамъ, покричитъ, все на себѣ изорветъ, искусаетъ себѣ руки, задохнется и умретъ уже на самомъ дѣлѣ, если никто не услышитъ и не успѣютъ его отрыть.

— А бували случаи, що и живыхъ откапували?—спытавъ опьять Мирошникъ.

— Много було случаевъ.

— Що-жъ вони казали?

— Разсказывали они, что все слыхали и чувствовали, а проснуться никакъ не могли.

— Дивиться, панове, що у книжкахъ написано, а мы люди слипи и ничого не знаемъ.

Писля сего скоро вси розійшлися, подякувавши хозяина, а дорогою уговорилися парубки и дивчата прохатыся до Маруси на вечерници дня черезъ два. Москаль спершу не хотивъ ходити вмисти зъ нами, а потомъ согласився.

X.

Вранци на другой день пишли до Маруси прохатися на вечерницы, а вона и кажи:

— Рада-бъ я васъ пустити, та боюся станового. Якъ довидается винъ що до мене опьять сходилися, то буде мини лихо!

— Яке-жъ дило становому?—мовлявъ одинъ парубокъ.

— Винъ приказувавъ не пускати бильше на вечерницы, писля того, якъ убили Гапку!

— Та винъ и не узнае!

— Ни, ни! Проситься до кого нибудь другого, а я боюсъ пустити! Зъ мене ни кому буде заступиться.

— А я на что?—сказалъ москаль, стоявшій сзаду, такъ що его Маруся и не бачила, бо винъ прійшовъ писля другихъ.

— Бачишь, пани-матко, знай у насъ голова, що и у воде не потоне и у огни не сгоритъ!—мовляли парубки.

Маруся пристально подивилася на москаля, печервонили у неи щеки и вона казала запинаючись.

— Я не знаю, що и робити!

— Не безпокойтесь, хозяюшка! Ничего не будетъ! Вечерницы никто не можетъ запретить, потому что по закону это полагается. Тутъ главное дѣло, чтобы все было чинно и благородно—повеселились и розошлись.

— Коли-бъ воно такъ було! Вы маете таку думку, а инчій—зовсимъ другу!

— Мы понаблюдаемъ другъ за другомъ!

— Нехай буде по вашему!

Парубки подикували на словахъ, а москаль пидскочивъ до Маруси и, протягнувши свою руку, мовлявъ:

— Позвольте вашу ручку! Рекомендуюсь вамъ Иванъ Кирилычъ Гуськовъ, безсрочно-отпускной унтеръ-офицеръ!

Маруся дала руку и не знала, що ей казати—чи подякувати москаля, чи промовчать.

— Ужъ очень я люблю сговорчивыхъ людей, которые обращаются по простецки а то, вѣдь, къ иному, ни Боже мой, и подступу нѣтъ!—казавъ москаль не выпискаючи руку Марусину.

— Чого мини чумидитиси передъ добрыми людьми, хрестянъ своихъ я не маю!

— Позвольте поцѣловать вашу ручку?

— Не треба!—казала Маруся, выпругавши свою руку.

— Если это не полагается, то извините, супротивъ положенія я не пойду.

— У насъ такъ не водится, якъ у панивъ!

— Я не то, чтобы хотѣлъ васъ сконфузить, а такъ отъ всей души, потому что человѣкъ я откровенный, что на умѣ, то и на языкѣ. Пожалуйста не серчайте на меня!

— Сваритися мини ничого. Приходить на вечерницы.

— Спасибо! Я вашъ первый гость.

Сговорилися приходити черезъ день, поклонилися Маруси и выйшли. Спершу и шли купои, а потомъ розійшлися. Москалеви зъ Оленою було дали всихъ и прійшлось идти у двохъ. Балакаючи зъ нею, москаль казавъ:

— Красивая женщина Маруся, только нужда ее повидимому заѣла.

— Посватайте еи!—мовляла Олена.

— Нѣтъ! Кого-нибудь, только не ее, потому что вдовы мнѣ не нравятся!

— У насъ и дивчатъ богато!

— Можетъ быть та, которую я выбралъ за меня не пойдетъ?

— Чого не пиде! Въ дивкахъ сидити никому не охота!

— А вамъ хочется замужъ?

— Якъ и другимъ дивкамъ!

— А за меня пошли бы?

Вони доходили до воротъ хаты Оленинова батька, вона ничого не казала москалеми въ отвитъ и побигла до дому. Москаль постоявъ трохи на дорози противъ хаты и махнувши рукою, пишовъ до дому.

Парубки и дивчата въ той-же день носили Маруси все, що треба для вечерницъ, а вона варила и пекла всяку страву. Москаль купивъ три кварты горилки и дви кварты пива и ввечири понисъ до Маруси, котра сидала биля стола и шила мережани рукава для сорочки.

— Добрый вечеръ!—казавъ москаль.

— Здравствуйте.

— Возьмите и мое приношеніе.

— Поставьте на лавку, то коли уморилися сидайте.

— Устать я не усталъ, а посидѣть у васъ малость съ удовольствіемъ могу, потому что мнѣ очень пріятно васъ видѣть, какъ прекрасную женщину.

— Коли не сміетесь надо мною, то спасыби!

— Развѣ я могу себѣ позволить насмѣхаться надъ вами?

— Таки вже вси парубки, що насмихаются надъ нашею сестрою.

— Это деревенщина необразованная, а я все-таки кое-гдѣ бывалъ и много видалъ деликатнаго обращенія съ дамами, а потому не могу себѣ позволить такой гадости, за которую всѣ порядочные хозяева нашего брата не жалуютъ, а прямо за шиворотъ и вонъ изъ компаніи! Въ этомъ случаѣ приходится уже пенять на самаго себя.

— Я казала такъ нарошно!

— Я, значитъ, къ вамъ, Марья Семеновна, окромя уваженія, ничего не имѣю, и можетъ быть и еше больше этого!

— Чого-жъ вы ще можете мати до мене, коли другій разъ мене бачите?—спытала Маруся, подивившись лукавыми очима на москаля и сміючись.

— Мало-ли что?

— Кажить що?

— Ну, хоть, напримѣръ, любовь!

— Дуже скоро вы мене покохали!

— Для того, чтобы полюбить, не нужно знать много лѣтъ, а достаточно видѣть одинъ разъ. У насъ—по военному, увидѣлъ и полюбилъ!

— Вы мене не разглядѣли, я и стара вже и брыдка!

— Ну ужъ это не правда! На счетъ красоты, вы будете, Марья Семеновна, въ самомъ разѣ, супротивъ всѣхъ вашихъ деревенскихъ красавицъ!

— Нехай буде по вашему!

Побалакали ще трохи и москаль пишовъ. Маруся, зоставшись одна, задумалась. Приглянувся ей дуже москаль. Поплакала вона и легла спати.

Дожидалися вечера, коли сговорилися собиратися до Маруси. Вси прійшли по-

чти що разомъ, а у Маруси вже стояла на столи и страва и горилка и пиво. Попоштувалися, а москаль первымъ диломъ поштувавъ Марусю и пидморгнувъ ей окомъ. Заспивали писню и другу, опьять выпили, одинъ парубокъ загравъ у сопилку. Москаль взявъ за руку Марусю, выйшевъ зъ нею на середдину хаты и стали танцювати, а якъ кончили, то москаль поцилувавъ руку Марусину и, щобъ вона не соромилась, казавъ:

— Всякій мужчина долженъ цѣловать руку у той дѣвушки, съ которою танцовалъ.

Парубки зарыготали, а дивчата засоромились, тай казали у одинъ голосъ:

— Не треба цилувати!

— Тогда и танцовать больше не слѣдуетъ, потому что нашей милой хозяйкѣ будетъ обидно!

— Не полиняете отъ того цилованья.

— За танцями не то шо за угломъ де небудь,—мовляла Маруся.

Всякій парубокъ вибиравъ соби дивчину, танцювавъ зъ нею и цилувавъ руку.

Дивки не пругалися бильше, а зъ охотою ишли танцювати.

— Вотъ и отлично! Стерпится, слюбится!—мовлявъ москаль, поштуючи Марусю, а писля нея и другихъ дивчатъ и парубковъ.

Всимъ було весело, тилько Олена, заревнувавши москаль до Маруси, не веселилась, якъ инчи подруги еи. Со слизьми на очахъ вона забилась у кутокъ и ни съ кимъ не размовляла. Москаль побачивши те попрохавъ грати, вытягнувъ на середину Олену, станцювавъ зъ нею, а руку не успивъ поцилувати, бо вона швидко выхопила еи отъ москоля.

— Этого нельзя барышня! На васъ налагается штрафъ!—мовлявъ москаль.

— Конешно, конешно! А за той штрафъ Олени треба поцилувати теби у губы! — кричали парубки.

— Очень мнѣ это пріятно!—казавъ москаль, пидскочивши до Олены.

— Не хочу!—казала Олена, закрывши руками свое лицо.

— Треба, треба! — закричали вси.

Олена поцилувала москаля. Вси захлопали у ладони.

Довго ще повеселилися, москаль не отходилъ отъ Маруси и шептивъ ей на ухо щось таке. Заспивавъ третій пивень, коли розійшлися. Москаль проводивъ Олену до еи хаты и якъ вона отчинила двери, винъ мерщи вернувся до Маруси, озираючись, щобъ хто не побачивъ.

Маруся ще не лягала спати, коли винъ прійшовъ

— Може хочете исты? — спытала вона москаля.

— Пожалуй!

Вона выняла зъ печи жарену качку насыпала дви чарки горилки и стала вони вечеряти, размовляючи. Подивився москаль на виконце тай казавъ:

— Хорошо сдѣлала, моя красавица, что занавѣсила окна.

— У насъ такій народъ у если, що сплетутъ всяку небылицу.

— Положимъ, что на эти сплетни только и стоитъ наплевать!

— Вамъ-то можно такъ казати, а мини треба зъ ними жити!

— Да вѣдь даромъ они тебѣ ничего не даютъ?

— Коли вси отцаруются отъ мене, то и работу не буду мати!

Довго ще вони балакали, а потимъ нихто не знае що було! Москаль выйшовъ зъ хаты, коли вже стали разсвитати.

XI.

Москаль, подякувавши свого дядька старшину, пишовъ у деревню до батька и обищався опять прійти на масляну. Скушно стало всимъ парубкамъ и дивчатамъ безъ москаля, а скушнише всихъ Олени, та Маруси.

Сусиди бачили, якъ москаль провожавъ Олену до дому у ночи зъ вечерницъ и стали про неи плести всяки сплетни, а скоро и все село загомонило и ей на улицы не давали проходу. Почули ту мову батько и мати Оленины и дуже засвирилися на неи. Батько хотивъ бити еи, та мати отняла. Клялася и божилася сердешна Олена, що вона ничимъ не повинна, та еи не було виры.

Дивчата, котри були вмисти съ нею на вечерницяхъ, завидуючи, отцуралися отъ Олены. Выплакала бидна дивка вси свои очи и никуды не выходила зъ хаты. Ныло у неи сердце отъ любви къ москалю, котрый пожартвувавъ трохи, тай покинувъ и не попрощався зъ нею, коли пишовъ до дому, а тутъ ще мовили всяки не былицы! Про Марусю нихто ничого не казавъ! бо спасыби не бачили якъ москаль у ночи приходивъ и выходивъ отъ неи.

Москаль прійшовъ до батька свого, а винъ ему и каже:

— Довго ты, сынку, загостився мобуть у дядька було весело?

— Веселья было много! Почти каждый день все въ гостяхъ. Пѣсни, музыка и пляска вездѣ, гдѣ бывали.

— Дядько любитъ висилья и чоловикъ винъ не послѣдній у сели! Велики дило старшина!.. И становый его жалуе, бодило свое знае твердо!

— До моего прихода тамъ все село носы повѣсило, а какъ я имъ объяснилъ это самое дѣло, ну и развернулись!

— Про яке ты дило кажишь, Иване?

— Боялись они, вишь ты мертвецовъ— этой дѣвушки, что убилъ пастухъ и самого пастуха; который повѣсился!

— Що жъ ты имъ казавъ?

— Не токма, объяснилъ, что мертвецы не встаютъ, но и сходилъ въ самую полночь на могилу удавленника и принесъ оттуда рукавицу, которую одинъ парень положилъ днемъ, какъ примѣту, такъ какъ мы съ нимъ побились объ закладъ при всей честной компаніи.

— Дурный ты, що бився объ закладъ! Добре що воно такъ минувалося, а то и душу свою положивъ бы тамички биля могилы.

— Про это, тятинька, вы не безпокойтесь, у солдата душа казенная, ну, значитъ, и пропасть не можетъ. Къ тому же и всѣ эти встающіе изъ гробовъ мертвецы, какъ ихъ называютъ колдунами и вѣдьмами, плевое дѣло!

— Не кажи сего на ничь, бо що небудь попритчится!

— Ужъ если, что случится, такъ я одинъ буду въ отвѣтѣ, а вы тутъ не при-

чемъ! А у насъ, по военному, расправа короткая!

— Ну, годи мовляти о мертвякакъ, а побалакаймо объ инчимъ дили.

— Я васъ слушаю, говорите!

— Якъ ты пишовъ до дядька, до мене самъ прійшовъ Гарпенко, ты его знаешь?

— Прішовъ винъ и ставъ казати, що хочетъ зъ нами пориднится.

— Въ кумовья что ль звалъ васъ?

— Ни, пострывай лишинь! Винъ хоче сватовъ засылати до тебе!

— А я думалъ къ вамъ?

— Чи ты сказывся? У меня е жинка, твоя мати, а якъ бы и не було, то за такого стараго винъ не отдавъ бы свою дочку, коли вона молоденька, та кращи всихъ у нашій деревни. Ему не мае отбою отъ жежинивъ, та не дуже винъ отдае!

— Ужъ очень стало быть хороша его дочка?

— Писана краля!

— А я кому понравился, самому отцу или дочкѣ его?

— Сего винъ не казавъ.

— Что же, покутить на чужой счетъ можно, убытку мнѣ не будетъ! Сначала нужно, впрочемъ, посмотрѣть невѣсту.

— Подивись! Завтра праздникъ, пиди до церкви и вона тамъ буде!

— Въ церкви само собою, а мой будущій тесть долженъ устроить вечеринку.

— За нимъ дило не стане, тилько ты прійдучи зъ церкви кажи намъ зъ матерью чи хочишь женится, а мати дойде до нихъ и скаже.

— Я ужъ знаю, что она мнѣ подойдетъ, а вечеринку нужно прежде всего справить!

— Такъ у насъ не водится, хиба ты забувъ.

— Какъ слышишь, я и говорить разучился по вашему, не то, чтобы помнить всѣ ваши деревенскіе обычаи, надъ которыми всѣ образованные люди смѣются! Коли хочешь такъ, какъ я говорю, ну и ладно! Можетъ статься, что дочка его издалека мнѣ и понравится, а на вечеринкѣ я разсмотрю ее какъ слѣдуетъ и разберу по косточкамъ, чего она стоитъ!

— Добре! я побалакаю зъ Гарпенкомъ, мужикъ винъ бувъ сговорчивый и моторный!

— Вотъ и поладили мы съ тобою, тятенька, а теперь я залягу на боковую, усталъ маленько съ дороги.

— Повечеряй, тай лягай!

Вранци пишовъ москаль до церкви и бачивъ Параску, дочку Гарпенкову, а батько тимъ часомъ перемовився съ Гарпенкомъ, который сразу ставъ прохати до себе ввечери у гости. Якъ прійшовъ москаль зъ церкви до дому, батько его и спытавъ:

— Бачивъ Пораску?

— Видѣлъ!

— Якъ вона тоби показалася?

— Супротивъ тѣхъ дѣвокъ, которыхъ я видѣлъ въ дядиной деревнѣ, она тоесть, ничего не стоитъ!

— Гарпенко дастъ у придане корову, пару воливъ съ возомъ и свиню поросну!

— Ладно! Посмотрю я вашу Параску поближе, можетъ быть она и сойдетъ.

— А Гарпенко прохавъ сегодня ввечери до себе у гости всихъ насъ!

— Такъ то лучше! Дѣло будетъ по всей очевидности на чистоту.

— Винъ казавъ, що треба дило робити пошвидче, а то скоро будетъ масляна и винчаты пипъ не стане на тій недили.

— Подождетъ! Успѣемъ повѣнчаться и послѣ праздниковъ!

— Тоби виднише!

У Гарпенко було не богато гостей вси родичи—старики; никому было ни спивати, ни танцовати. Москалеви стало скушно балакати съ Параскою, винъ и

ставъ собиратися до дому, а Параскина мати и каже:

— Куда же це вы такъ рано, мобуть вамъ у насъ скушно?

— Я люблю поплясать, а у васъ не кому и музыки даже нѣтъ. Словно мы собрались на похороны!—мовлявъ москаль.

— Чого жъ вы не взяли свою музыку? - спытавъ Гарпенко.—У насъ у деревни нихто играть не уміе.

— Другимъ разомъ я захвачу гармонію и дѣло пойдетъ повеселѣе, а вы припасите молодыхъ людей, которые умѣютъ плясать.

— Колижъ намъ васъ ждати?—спытала хозяйка.

— Мы отъ васъ не чули ничого о тимъ дили, для котораго вси тутычки собиралися.

— Дѣло сдѣлается само собою!

— Одинъ тыждень зостався!

— Надъ нами не капитъ, мы можемъ дѣло и отложить, а тѣмъ временемъ присмотримся другъ къ другу. Почемъ знать, быть можетъ еще и не понравимся: или я невѣстѣ, или невѣста мнѣ.

— Вы вше бачились промижь себе, чого же тутъ дали дивится.

— Во всякомъ случаѣ въ одну недѣлю я не могу ничего сказать,

— Кажить намъ прямо, коли не маете думки въ нами пориднится.

— Кто вамъ это сказалъ? Я говорю только, что торопиться нечего, а съ нашимъ удовольствіемъ.

— Такъ мы будемъ сподиватися?—

— Въ другой разъ увидимся и поговоримъ, а теперь прощайте!

— Давайте, сынку, прохати гостей до себѣ?—казала москалева мати.

— Что дѣло, то дѣло! Милости просимъ, господа. У кого есть молодыя дѣвушки и парни тащите ихъ къ намъ.

— Коли приходити?—пытавъ Гарпенко москаля·

— Не знаю, какъ тятинька скажетъ, а по мнѣ, хоть завтра!

— У середу, панове!—мовлявъ москаливъ батька.— А тимъ часомъ я де кого позову.

Посбиралися ввечери у середу. Знайшлися и парубки и дивки и музыка. Всимъ було весело. Москаль пидвипивъ добре, взявъ Параску за руку, выдивъ на середину хаты, тай казавъ:

— Поздравьте насъ, какъ жениха невѣсту, потому что, первымъ дѣломъ мы не хотимъ идти супротивъ воли ро-

дительской, а затѣмъ мы понравились другъ другу.

Вси выпили за здоровье нариченныхъ, дивки заспивали писни котри спиваютъ передъ висильемъ. Гарпенко и его жинка зъ радости всихъ цилували.

Розійшлися передъ свитомъ.

Не разъ ще собиралися то до Гарпенка, то до батьки москаля, который и справди цолюбивъ Параску, бо вона була дивка моторна и весела.

Прійшла масляна. Москаль пишовъ до дядька у село Мирошники, розсказавъ тамъ про свое сватанье и прохавъ, щобъ дядько и титка никому не казали до Великаго дня. Титка не стерпила и разсказала куми своій. а на третій день уже все село знало.

Москаль навидався до Маруси, поки ще вона не чула, що еи любезный просватався.

А якъ прійшовъ винъ у другій разъ, то Маруся облаяла его и прогнала изъ хаты, мовляючи:

— Щобъ твоимъ и духомъ, осуружный, тутъ не пахло! Я не подивлюсь на твою сиру шинель та на шаблю, а кочергою тоби боки намну!

— Да ты вѣдьма что-ли?—огрызався москаль.

Сгинь зъ очей моихъ швидче! — кричала Маруся, а на губахъ у нея ажъ пина выступила.

Подобравь москаль полы своей шинели та мерщи и пійшовъ помовляючи:

— Съ дурой бабой нашему брату не приходится связываться, потому что для военнаго это низко.

Не то було съ Оленою. Якъ почула бидна дивка, что Иванъ сосватався у

своій деревни, то у неи спершу помороки отбило, а потомъ вона занедужила.

Вси дивки у сели отцуралися отъ мо скаля и не пишли до его дядька коли винъ прохавъ до себе у гости. Ничого було робити москалеви у Мирошникахъ и пійшовъ винъ до дому.

XII.

Пройшла масляна, прійшовъ пистъ. Олена недужила все гирше и гирше. Призывала мати еи шепотуху и знахарку, котра поила еи зельимъ и ничого не помогло.

— Лищинько мини, мамо, мабудь прійшовъ мій кинецъ!—стогнала Олена.

— Пострывай, дитино моя, дастъ Бигъ полегчае!—утишала мати.

— Коли я умру, поховайте мене биля Гапки.

— Що се тоби здумалося?

— Бо вона умерла кохаючи Семена!

— А ты отъ другой хворбы.

У мене хвороба на сердци, бо я дуже покохала того осуружнаго москаля!

И заразъ ще его любишь?

— Сама не знаю! Якъ здумаю про его

то винъ мини спершу противный, а писля заные сердце!

— Выкинь ты его съ своей головы!

— Коли-бъ була моя воля, то я-бъ уже давно его забула.

— Якій винъ тоби женихъ. Тоби и сподиватися не можно було на его!

— Винъ зо мною балакавъ такъ ласково и закидавъ мову про коханье, мене и схопило за сердце.

— Довгій у его языкъ и винъ всимъ такъ же якъ и тоби лопоче!

Пишла Оленина мати до старшины позычити хлиба и разсказала все жинцн его, що чула отъ Олены. Погорювали поплакали, тай розійшлися.

Жинка разсказала своему чоловикови старшинѣ мовляюеи.

— Не добре Иванъ робитъ, за що дивчину губиты?

— Скоро я поиду до брата и его пожурю?—мовлялъ старшина.

— Отъ твоей журьбы Олени не буде легче!

— Съ другими не буде такъ робити!

Скоро старшина поихавъ до брата свого и ставъ мовляти Иванови:

— Не добре ты робишь, племянничку!

— Что такое, дяденька, я сдѣлалъ?

— Сгубивъ ты дивчину!

— Какую?

— Олену.

— Супротивъ ее я ни въ чемъ не повиненъ! Сейчасъ хоть присягу принять.

— Точивъ ты съ нею балясы про коханье, и дивчина, подумала соби, що ты и справди кажешь, а якъ разскусила твою брехню, то и занедужила и мабудь умре не запонюшку тютюну!

— Жаль мнѣ ее, она лучше всѣхъ дѣвушекъ въ вашемъ селѣ, а помочь не могу.

— Грихъ буде на твоій души!

— Якій тутъ грихъ? Сама вона виновата! Мало де-чого кажутъ! — молвила Иванова мати.

— Молчи, мать! Этому горю нужно какъ-нибудь помочь!—мовлявъ Иванъ.

— Якъ теперички поможешь, коли вже засватався.

Москаль задумався.

— Ужъ не отказаться ли мнѣ отъ дочки Гарпенка? — мовлявъ винъ.

— Хиба такъ можно? Намъ тоди треба утикати зъ деревни, бо вси они просміютъ добри люди.

— Все не то ты говоришь мать! Вѣдь меня совѣсть замучитъ, если Алена помретъ!

— Якъ ты скажешь брату!

— И такъ и сякъ кинь, все буде клинъ! — мовлявъ старшина. — Иванъ самъ не маленькій, нехай подума.

— Я знаю что сдѣлать!

— А що ты здумавъ? — спытала мати.

— Сейчасъ поѣду съ дядинькой, попрошу прощенья у бѣдной дѣвушки и, если она согласна, то женюсь на ней. Вотъ вамъ и мой сказъ!

— Треба ще казати батькова, якъ винъ тоби присовѣтуе? — мовляла мати.

— Ладно! Я сдѣлалъ ошибку, мнѣ ее и поправить нужно. Вы съ тятинькой все гонитесь за приданымъ, а для меня оно плевое дѣло! Во-первыхъ, потому, что жить въ деревнѣ я не желаю, стало быть

мнѣ ни къ чему волы и коровы, а главное дѣло супротивъ совѣсти будетъ!

Що мати не казала и дядько ставъ держати ей руку, а москаль и слуха и не хотивъ, мерщи одятся и поихавъ съ дядькомъ у село Мирошники; а якъ пріихали винъ не заходючи до дядька, заразъ пишовъ до сусидивъ.

Олена, ледве жива лежала на полу, а били ней сидѣла мати еи и плакала. Москаль не мовивъ ни слова, а упавъ передъ Оленою на колинки, тай казавъ:

— Прости меня, что я сталъ невольною причиною вашей болѣзни.

— Богъ васъ проститъ! Будьте счастливы съ вашею нарѣченною, а мини треба умирати!—простогнала Олена и слезы покатилися зъ еи очей.

— Выздоравливайте, моя ненаглядная, все дѣло уладится! Мнѣ хоть сейчасъ отказаться отъ своей невѣсты! Что дѣлать, сбили меня, подъ пьяную руку, отецъ и мать, а у меня ничего и въ умѣ не было.

— Прощайте!—прошептала Олена и заплющила очи.

— Она умираетъ! Боже мой, что я сдѣ-

лалъ своимъ неосторожнымъ словомъ! — казавъ москаль и зарыдавъ якъ маленька дитина. Мати не плакала, бо вси слезы выплакала.

Олена тутъ же и умерла! У Ивана помороки отбило. Посидивъ винъ трохи на лавци и пишовъ до дядька прохати пидводу, щобъ ихати скорише до дому, бо ему было важно заставатися у Мирошникахъ. Старшина нанявъ пидводу и отправивъ москаля до дому.

Олену поховали на могилкахъ, пидъ яворомъ, якъ вона прохала! Батько и матко дуже убивалися, коли Олену ховали, а горше всихъ парубокъ Петро, бондаривъ сынъ. Вси дивувалися, бо не знали, що винъ любивъ покойницу и хотивъ на ній жиниться. Кажный вечеръ ходивъ Петро на могилу Олены и припавши до сырой земли, молився и плакавъ.

Такъ пройшовъ цилый ты ждень. Петро занедужавъ, лежалъ до самаго Великаго дня и умеръ, прохавши батька поховати его биля Олены.

Москаль пріихавъ до батька свого, не ставъ ни съ кимъ балакати, тилько ка-

завъ, що Олена умерла. Не захотивъ винъ и вечеряти и лигъ спати. У ночи батько прислухався, що Иванъ размовляе самъ съ собою, обизвавъ его, а винъ не откликнувся, а тилько примовкъ. Черезъ два, три годины опьять залопотавъ. Тоди батько разбудивъ жинку, засвитыли каганецъ и пидойшли до сына. Иванъ дивится во вси очи, а коли его стали пытати, ничого не мовлявъ. Перелякались батько и мати и до свиту не гасили каганця и сами не спали, а Иванъ все гомонивъ, повертаючись съ боку на бокъ. Вранци винъ вставъ, дивится кругомъ себѣ и мовчитъ.

— Що тоби сынку, може пить хочешь?

Иванъ зарыготавъ такимъ голосомъ, що у батько и матери морозъ подравъ по всій шкури и стало имъ страшно.

— Мобутъ винъ зійшовъ зъ ума! — казавъ батько.

— Борони Боже! Не прочумався ще отъ свого горя! — мовляла мати.

Иванъ тимъ часомъ схопивъ полумисокъ и кинувъ его на батька.

— Шо ты робишь, Иване? — крикнувъ батько.

Иванъ опьять зарыготавъ, подскочивъ до лавки, нахилився до сокоры. Батько догадався, схопивъ сына въ оберемокъ и крикнувъ жинци.

Жинка принесла изъ синей вижки и помогла связати Иванови руки и ноги, а винъ ставъ кричати не своимъ голосомъ. Покликали урядника, который тимъ часомъ пріихавъ у деревню. Подивився винъ на Ивана, тай казавъ:

— Треба везти его у больницу!

— Що це съ нимъ таке?—спытала мати.

— Повихнувся у его разумъ!—мовлявъ урядникъ,—треба везти заразъ!

— А може воно ще и минуется? — казала мати, обливаясь слизьми.

— У васъ его заставити не можно бо винъ такій шкоды наробитъ що и не розкусите еи!

— А ще винъ зробе?—казавъ батько.

— Не доглядите, то винъ всю деревню спалитъ, або самъ у воду кинется!

— Такъ лучше, жинко, я отвезу его, може у больници его выличуть.

Запрягли воливъ, положили связаннаго Ивана на низъ и повезли у больницу.

Пролежавъ Иванъ у больници вси симь недиль и якъ вернувся до дому, то Параску вже выдали замижъ.

— Не стану николи женитися! — мовлялъ Иванъ и на другой день попращався съ батькомъ и матерью и пишовъ у городъ, до кого-нибудь наниматися у работники, бо ему нудно було зоставатися у деревни.

Дорогою Иванъ зайшовъ до дядька, отслуживъ панихиду на Олениній могили и пишовъ дали.

Конецъ.

КАЛЕНДАРИ

ИЗДАНІЯ ТОРГОВАГО ДОМА

ЕВДОКІЯ КОНОВАЛОВА и К°.

ВЪ МОСКВѢ.

НАСТОЛЬНЫЕ:

1) Всероссійскій Общедоступный

въ хромолитографированныхъ обложкахъ, на различные сюжеты. Съ преміями:

1) Хромолитографированная картина (исполненная въ 14 красокъ) и

2) Карта Европ. Россіи, въ краскахъ. Содержаніе:

Православные Святцы, послѣ каждаго мѣсяца историческій или географическій рисунокъ съ описаніемъ. Календари: католическій, протестантскій, армяно-григоріанскій, еврейскій и магометанскій. Всѣ обыкновенные календарныя свѣдѣнія. Обзоръ событій. Некрологи. Историческіе и современные дѣятели. Юбилейныя иллюстраціи Масса рисунковъ и портретов[illegible] носящихся къ событіям[illegible]

2) Общ[illegible]

для в[illegible] [illegible]ждаго

закл[illegible] [illegible]ромѣ обыч-

ны[illegible] [illegible]ѣдѣній, от-

д[illegible] [illegible]льско-хозяй-

[illegible]ки, ветеринарный,

[illegible]рный. Энциклопедія полез-

[illegible]вѣдѣній въ домашнемъ оби-

[illegible] и хозяйствѣ. Ц. 40 к.

[illegible]МАННЫЙ—двойной (64 стр.). Ц. 10 к.

[illegible]ОЖЕ, мелкій (32 стр.). Ц. 5 к.

ОТРЫВНЫЕ:

На каждый день, съ роскошными папками. Содержаніе:

Святцы, указаніе евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, табельные дни, восходъ и заходъ солнца, долгота дня и ночи, хозяйственныя замѣтки, разсказы, анекдоты, пословицы, меню обѣдовъ скоромныхъ и постныхъ, статистика, погода по Брюсу, солнечныя и лунныя затменія и проч.

3) Больш[illegible]матъ. Цѣна [illegible]коп.

[illegible] метал. оправѣ [illegible]фировка). Цѣна 30 коп.

5) Малый форматъ. Цѣна 20 коп.

6) Тоже, въ метал. оправѣ (профировка). Цѣна 25 коп.

7) Панорама съ рисунками на каждый день. Большой форматъ. Цѣна 25 коп.

8) Тоже, въ метал. оправ[illegible] (профировка). Цѣна 30 ко[illegible]

Книжныя и Картинныя Торговли:

Москва:

1) Оптовая: Лубянско-Ильинскія торговыя помѣщенія, № 6—8.

2) Опт.-розничн.: Никольская ул., по Новой площ., желѣзн. лавки Троице-Сергіевой лавры.

Въ С.-Петербургѣ: Апраксинъ дворъ, Графскій проѣздъ, № 65—66.

Въ Одессѣ: Преображенская ул., домъ № 37.

Въ Нижегородской ярмаркѣ: Шоссе, Мебельный рядъ, № 53.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 072692681